

УДК 551.4

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ

© В.Г. Берест

Berest V.G. On the essence of landscape studies. The article discusses the essence of landscape studies as accumulation and continuous improvement of landscape-genesis control.

Знания человечества едины в нем, но дробны в себе. Они представляют собой многоуровневый синтез аналитического опыта постижения реальной объективной действительности Природы в ее неисчислимых конкретностях. Природа для человека есть та изначальная «детская колыбель», в действительной объективной реальности которой не приходится сомневаться: иного у нас просто нет. Она всегда была, есть и будет по отношению к нам «вечно непознаваемым присутствием», ибо границы ее, по мере осознания величия необходимого, неизменно раздвигаются, углубляясь в беспредельность космической всепродельности – по лучам ее бесчисленных временных «радиалей» и пространственных «латералей»: безбрежен «океан идей» вечной «лаборатории жизни», качающейся на его мягких «волнах».

Ландшафтоведение – это конкретная, предметно обоснованная наука, «обособляющаяся» в обширном «семействе» физико-географических дисциплин на уровне его «рода» [1]. Она изучает пространственную структуру и динамику развивающихся во времени ландшафтных комплексов, которые целостно выстилают ландшафтную сферу Земли. Ландшафтоведение – важнейшая часть современной физической географии. Значение его для комплексных исследований Природы трудно переоценить, ибо оно составляет единую методологическую основу для всех своих дочерних подразделений.

Что же является сущностью ландшафтоведения? Что составляет его внутреннюю специфику, коренным образом отличающуюся от смыслового содержания других наук? И есть ли вообще у него такая «специфика»? Какова область «притязаний» ландшафтоведения (сфера «изъясненного» и «произнесенного» им). Каков его «идеал» (руководящая идея)? Насколько и как эта идея «выработана» ландшафтоведением изнутри ее?

Сущностью ландшафтоведения является «синтез» географических знаний о среде обитания жизни. При этом нерасчлененная (естественно-социальная) география, физическая география и ландшафтоведение образуют единый ствол могучего древа географического постижения реальности Природы, в которой и пребывают его корни. Трехединая география – это целостная «материнская система», питающая своим «соком» (идеями, структурирующими информационное пространство географической мысли) многочисленные

ветви и молодые побеги своего обширного семейства. Кто осмелится сказать, какая ветвь важнее? Все едино в целостном организме живого потока познания природы реальной действительности (многообразия явлений единой жизни) в объективной действительной реальности Природы (единстве многообразия).

Трехединая география является «системосферическим полем» проявления всех своих дочерних наук, каждая из которых отличается хорошо выраженным «системосферизмом». Сфера изъяснения географии одна (синтез моносферичен), но внутренняя ее структура полицентрична. Отраслевые географические науки, концентрируя собою всю мощь своего познания на сугубо своем предмете исследования (через внимание и восприятие, контролирующее творческие искания), как «буровые установки», углубляются в него, добывая бесценную «руд» научных истин. Все «добытое» каждым «центром познания» синтезируется в единую «сферу знания», формируя особое комплексное «географическое сознание» (пространство совместного знания, т. е. знания, добытого совместным трудом). В сфере изъясненного, коллективное знание обретает ту или иную инвариантность – симметрию руководящих законов и закономерностей, которая и создает интеллектуальную сферу движения осознающей себя географической мысли, лежащей в основу научного стиля мышления всех географических школ и направлений. По мере необходимости, симметрия законов может перестраиваться в структуру знания, соответствующую новым горизонтам видения истины. Симметрия есть единая географическая (в данном случае) «воля», не выполнить требования которой невозможно.

Вся информация, циркулирующая в отраслевых подразделениях ландшафтоведения, в конечном счете стекается к нему. Поэтому ландшафтоведение знает обо всех своих научных дисциплинах все, руководит ими, предлагая перспективные направления и идеи. Отчет о воплощении идей неизменно возвращается к нему. Отраслевые науки, реализуя идеи, постоянно «вытаскивают» себя за черту познанного, в область неизведанного, разветвляясь и дифференцируясь на все новые и новые свои направления. Синтез многоуровневого аналитического опыта дочерних наук (и не только их) идет в обратной последовательности.

Можно ли отыскать в широком перечне наук о Земле такую, которая бы полностью стояла в стороне

от ландшафтоведения? Сомнительно. И геофизика, и геохимия, и геология (как и все остальные), сами по себе, вне протекающей в ландшафте жизни, бессмысленны. Они призваны своими методами изъяснять ее (жизнь), делать понятным и ясным то, что является сущностью ландшафта – жизнеобеспечение.

Все, что исходит из единого центра (скажем, географии), возвращается к нему развитым и дополненным, придавая «центру» статус «сферы». Единое проявляет себя многообразием. Многообразие же, сливаясь в систему, становится «единым». При этом «центр познания» становится везде, а «единая сфера» его – нигде (сфера трудноопределима, ибо, расширяясь в беспредельность, она вмещает в себя все познанное – изъясненное). Не поэтому ли так часто проскальзывает пренебрежительное отношение к географии? Но «мать» всех наук о Земле прощает «детские шалости» своих отпрысков и по-прежнему питает их своими идеями, являясь для них «жизнеобеспечивающей средой» – информационной голографической кривизной интеллектуального пространства, в котором все и пребывают, не замечая его. Не случайно, география, наряду с другими четырьмя базовыми науками (химией, физикой, биологией и астрономией), неизменно включалась в программу посвящения «в знание и силу» нетрадиционных, «внутренних» школ древнего мира, представителями которых были, в частности, Пифагор и Платон – великие мыслители, идеи которых и поныне управляют миром.

Как и все истинные науки, ландшафтоведение имеет свой предмет исследования – ландшафтную сферу Земли. Однако было бы крайне ошибочным ограничить ландшафтоведение только предметом его научных «притязаний». В этом случае оно станет выглядеть «как все» – при своем предмете. Но смысл его гораздо глубже и заключен природой самого «ландшафта» – сложной многокомпонентной системы жизнеобеспечения всего сущего в географическом пространстве. Ландшафт образует подвижные «земные берега» нескончаемой реки всекосмической жизни. Ландшафт – тело жизни. Но знаем ли мы саму Жизнь – поток «психической энергии», наполненный мыслью, несущей в себе неугаемый «огонь знания»? Как выглядит сам «поток»? Можно ли говорить о «луных ландшафтах» (т. е. «мертвых» ландшафтах)?

Здесь могут возникнуть возражения против столь «вольного» употребления таких понятий, как «всекосмичность жизни», «психическая энергия», «мысль», «знание»... Все же, читающий легко согласится с пишущим, если, во-первых, прекратит приписывать качества сознания лишь себе (т. е. человеку), во-вторых, вспомнит сущность, единого надфизического (по сути – психофизического, синергетического) физико-географического процесса, выделенного академиком А.А. Григорьевым [2], в-третьих, осознает следующий ниже текст...

В то время, когда мы, потяя, изучаем в школе «строение глаза», функционирование клеток и центральной нервной системы, волновую и корпускулярную природу элементарных частиц, <...> глаз уже в совершенстве знает «оптику», клетка, лучше любого академика, сведуща в законах биохимии, а атом – в ядерной физике. Центральная нервная система превос-

ходно ведает всеми закономерностями, управляющими автоволновыми процессами, протекающими во всех структурных частях организма человека без ведома его осознающего сознания, а также их связью с внешним миром. То есть, помимо нашего «детсадовского» сознания, уже существует выработанное на протяжении миллионов лет совершенное сознание (совокупное знание) клеток органов биологической плоти, которое мы почему-то снисходительно и свысока именуем «подсознанием» и «рефлексами», уже существует сознание (совместное знание) атомно-молекулярного вещества, элементарных частиц и светонесной плазмы, которое мы называем «бессознанием» (которое, не есть ли, на самом деле, абсолютное сознание Природы?). Сейчас мы только-только начинаем открывать для себя то, что глазу, нерву, клетке, молекуле, атому... известно давным-давно. Сознание Природы ушло далеко вперед. Мы шлемся в ее хвосте (копаемся в прошлом Природы – ее отвалах), с трудом осознавая и постигая умом прописные истины. Все наше познание сейчас сводится к трудоемкому процессу подключения молодым умом нашего сознания к тем или иным информационным уровням очень древнего сознания Природы. Приходится связывать то, что трудно связуемо из-за возрастного несоответствия. Но Природа – терпеливая и вселюбящая мать. Она ждет к себе заблудших «сирот» своих...

По Гегелю, «действительность... всецело разумна, и то, что неразумно, именно поэтому не должно рассматриваться как действительное» [3]. Мир разумен настолько, насколько он представляет собой воплощение Разума [3].

Так, где же «свет огня» истинных географических знаний: позади или впереди? Разве многие тысячелетия назад иерофанты Египта и Индии наставляли учеников своих ничтожному? Неужели география исходно «танцевалась от печки» – с исхоженного клочка первобытного стойбища? Или, все-таки, было две географии: 1) та, которую пытались донести до «туманного» сознания немногих представителей диких племен, рассеянных по планете, посвященные от прежних (доарийских) рас (почему и в каком направлении эта география свернула свое информационное пространство, кто знает?); 2) та, что стихийно и естественным путем писалась на «грифельной доске» узкого сознания «пещерного мыслителя», а затем шла кровавой тропой завоевателей мира? Мы знаем лишь вторую. О сущности «первой» можно только догадываться, читая, скажем, второй том «Антропогенеза» объемистого и емкого труда Е.П. Блаватской «Тайная Доктрина». Не пришло ли время слияния «двух» географий? Ведь география имеет космо-пространственное значение (разве человеку не предстоит труд создателя «рукотворных ландшафтов» на других планетах?).

Какое же предназначение изначально несла в себе единая география? Не она ли была призвана ответить на вопросы: «Что?», «Где?», «Когда?», «Почему?» И разве не она должна была создавать верные представления о Земле (динамике ее жизнеобитаемого пространства в аспектах времени), раздвигая в беспредельность горизонты постижения мира человеческих явлений и бережно хранить в себе историю развития этих знаний? Отдавая должное современному высоко-

му состоянию ландшафтоведения, нельзя, однако, не преклонить колени перед мужеством тех, кто, среди зыбких болот невежества и жестокой борьбы за власть, богатство или славу, собирал по крупицам светлый опыт постижения нового, синтезируя его в сияющий многими гранями кристалл истинного знания о Земле – сужденном общем доме человечества...

Земля – временный дом человечества, как временным будет и дом его родного Солнца. Среди материальных тел нет ничего вечного. Неизменно сущим остается лишь познание, дарующее человеку крылья для дальних полетов. Если земля погибнет в бушующем огне космической катастрофы (при этом вовсе нет надобности смотреть с опаской вдаль, катастрофа может зреть и «под ногами»), а человечество еще не научится «летать», то что спасет его от гибели? Надо спешить с познанием. Но «спешка» может вывести и к планетарному «зверинцу», наполненному кровавыми зверьем. Космосу же, истинно, нужна лишь сфера свободных творцов. Разве бессмертие вечной жизни может явить себя вне свободы творчества? Вне творчества есть только разрушение. Само же творчество в свободном космосе – свободно.

Легко сказать: «Человек, учись летать!». Здесь, хотя бы, обрести твердую поступь на двух ногах вместо качающегося стояния на одной. Когда же мы найдем в себе способность ходить, не падая?

Оглядываясь назад, взвешивая весь совокупный опыт тяжелого пути человечества к сужденным ему знаниям, неизбежно возникают и другие трудноразрешаемые вопросы. Как накапливается человеческий опыт? С какими «мерками» надо подходить к его осмыслению? Надо ли считать, при этом, человека «венцом творения», или это – не более чем «несмышленное дитя в материнской колыбели» изначального совершенства Природы? Как учиться ходить «человеческое дитя» в своей тесной планетарной «загородке»? Кто наблюдает за ним? Кто неустанно показывает ему яркие «погремушки» для того, чтобы оно («дитя») тянулось к ним и делало свои самостоятельные робкие шаги к сужденной свободе (не ошибись, читающий, здесь говорится об истинной свободе, но не своеволии)? Как глубоко уходят «корни» человечества: неужели только на 1–2 миллиона лет? А до этого разве были одни «бессловесные твари»? Сколько приходилось падать и вновь подниматься на ноги человечеству? И если современная Земля, как считают, – это «земля белых ариев» (человечества пятой расы), то были ли «земли» иных рас («красной», «желтой», «черной»...)? Сколько истины в повествовании Платона о «Посейдонии» – последнем «обломке» до этого давно погибшей Атлантиды? Откуда пришли к этрускам древние гипербореи, чтобы передать им знания, заключенные в «Ведах» русских народных сказок? Кто такие этруски? Как шло переселение древних народов в первой половине последнего миллиона лет? А что было до этого? Ктоставлял дикие племена Индостана к истине и культуре? Надо ли нам в глубинах веков искать Лемурию с ее «рыжими» и «черными» гигантами, скромные остатки цивилизации которых молчаливо зывают к океану с берегов опаленного солнцем острова Пасхи? Пораженные бесплодием при встрече с первыми европейцами (арийцами) маорийцы и австралийцы, «снежный чело-

век», современные антропоидные обезьяны – не есть ли те угасающие волны былого величия человеческой эволюционной славы, о котором сохранились лишь мифы? А в какие формы Природы волеется нынешнее несовершенство ариев, когда на смену им придут носители более высоких «спиралей жизни» (духовных начал)? Неужели появится новое поколение «немых рас» (обезьян)? И кто понесет дальше лучший опыт человечества – огонь человечности?..

Так кто же такой «человек»: творец Природы или ее зритель и потребитель? Где его родина – на Земле ли? Не является ли он сам «звездным скитальцем»? Кто ответит на это... и когда?

История развития многоплановой географической мысли насчитывает многие тысячелетия. Ее нельзя отделить от истории географических открытий еще не познанных аспектов реально существующей природной действительности – питательной среды и генератора нескончаемого потока новых идей (с течением времени, в соответствии с достигнутым уровнем науки, меняется лишь характер этих открытий). Не случайно, многие важнейшие итоги в развитии географической мысли подводились такими крупными учеными как Л.С. Берг [4], А.А. Григорьев [5, 6], Ф.Н. Мильков [7], А.Г. Исаченко [8], Н.А. Солнцев [9], Н.А. Гвоздецкий [10]. Обобщающими сводками по истории географических открытий являются книги Н.К. Лебедева [11], И.П. Магидовича и др. [12], Н.Г. Суховой [13]...

Летопись науки о ландшафте свидетельствует о многих этапах продвижения человечества к раскрытию тайн географических истин. Эти этапы могут быть определены и следующим порядком:

1. Этап длительного накопления первобытных, общинно-родовых, представлений о природе своей местности – арене труда и отдыха.

2. Этап создания «наивных» общих представлений о Земле разных народов (индусов, вавилонян, египтян, китайцев, греков...).

3. Этап первичных опытов создания научной географии (отрезок времени: от Геродота до Страбона – конец старого века).

4. Этап ускоренного завоевания мира и «раздела» Земли (начало новой эры – XVIII век).

5. Этап научно-экспедиционных исследований Природы и глубоких физико-географических описаний (XVIII век – начало XX века).

6. Этап становления комплексного подхода к исследованию природных явлений (начало XX века – середина 50-х годов XX века). На этом этапе происходит заложение теоретических и методологических основ ландшафтоведения, создается единое представление о предмете физической географии – географической оболочке. Главные направления развития физической географии утверждались работами В.В. Докучаева, Л.С. Берга, А.А. Григорьева, В.И. Вернадского, Д.Н. Анучина, Б.Ф. Добрынина, И.С. Шукина, С.В. Калесника, С.П. Сулова, А.Н. Краснова, Г.И. Танфильева, Н.А. Солнцева, Ф.Н. Милькова, Б.Б. Польнова, М.А. Первухина, С.С. Неуструева, А.Д. Гожева, Г.Н. Высоцкого, А.А. Борзова, В.Н. Сукачевы и других.

7. Этап ландшафтных исследований (с середины 50-х годов XX века до наших дней). Открывают этот

этап первые всесоюзные совещания по вопросам ландшафтоведения (1955 год). В это время глубоко разрабатываются научные основы современного ландшафтоведения. Фундаментальные исследования в области ландшафтоведения проводятся многими коллективами ученых, возглавляемых такими ведущими специалистами, как Ф.Н. Мильков, А.Г. Исаченко, Н.А. Солнцев, С.В. Калесник, Д.Л. Арманд, В.И. Прокаев, Г.Д. Рихтер, В.Б. Сочава, К.И. Геренчук, Н.А. Гвоздецкий. Этап хорошо иллюстрируется многими прекрасными работами С.В. Калесника [14–16] Ф.Н. Милькова [17, 18, 7, 19–21, 1], П.С. Макеева [22], И.М. Забелина [23], М.А. Глазковой [24], В.С. Преображенского [25], А.И. Перельмана [26], А.Г. Исаченко и др. [27–29], В.А. Анучина [30], А.М. Рябчикова [31], Д.Л. Арманда [32], А.Д. Арманда [33], В.Б. Сочавы [34], К.К. Маркова и др. [35–36], И.В. Крутя [37], Н.А. Гвоздецкого [38], А.А. Краужлиса [39], В.Н. Николаева [40], Н.Г. Суховой [13], В.Н. Солнцева [41], Н.Л. Беручашвили [42], К.Н. Дьяконова и др. [43–44], Н.Л. Беручашвили и др. [45]. Последний, ландшафтный, этап Ф.Н. Мильков [1] разделяет на два периода: структурно-морфологический (заканчивается в конце 60-х годов XX века) и функциональный (продолжается и в настоящее время). Последний период связан с внедрением в практику ландшафтных исследований системных методов постижения действительности, акцентированием внимания на прикладных аспектах ландшафтоведения, ландшафтном моделировании и географическом прогнозе эволюции геосистем.

Ландшафтоведение призвано успешно осуществлять синтез многоуровневого (многопозиционного) аналитического опыта исследования ландшафтной сферы Земли с ее сложной системно-вложенной «мозаикой» территориально устойчивых, относительно обособленных, иерархически соподчиненных (в Природе есть лишь одна иерархия – иерархия целостности: суть знания) и исторически сложившихся ландшафтных систем, каждая из которых является «уникальным воплощением универсального» [41, с. 37]. Сверхуниверсальной системностью есть жизнь, как общекосмическое явление. В планетарном масштабе – это глобальная ландшафтная организация, неотделимой частью которой являются все живые организмы. Как образно выразился В.Н. Солнцев, ландшафты «кукутывают» живое вещество в «одежды» геосфер, изолируя его от губительного плазменного дыхания космоса [41, с. 37]. В равной мере это касается и человека – неотъемлемой части ландшафтных систем. «Ландшафт – это место, где всегда обитал, обитает и будет обитать человек» [41, с. 11]. Более того, человек – далеко не рядовой компонент ландшафта. Будучи «венцом» земной природы, он призван: 1) быть высшей творящей силой (духом) на Земле; 2) быть высокоэнергетической и всеобъемлющей (в себе собою) психофизической «душой творения» для всего сущего в ландшафтной сфере (служить «идеалом творения» – эталоном «живой этики» Природы); 3) быть мыслителем, способным создавать любые мыслеформы для любых импульсов действия, не противоречащих эволюционному движению Жизни. То есть, именно человек истинный (суть, совершенный) является носителем трех высших принципов Природы: сознания, мысли, и разума, дополняя,

тем самым, ее развивающиеся элементарные части до «творящего целого». Человек есть «нареченный» строитель космоса и его бессмертный «дух творца» – всекосмичный.

Ландшафтоведение, будучи наукой о «земном доме» человечества, имеет общенаучную значимость. Сейчас все науки явно обретают, по утверждению академика К.К. Маркова [36], географическую направленность. Поэтому ландшафтная «доктрина жизни» вправе претендовать на роль «ведущей модели» того стиля мышления, потребность в котором ощущается повсеместно [41].

Ландшафтоведению (как и любой другой целостности) свойственно двуединое, бинарное, состояние его «воли», которое озвучивается следующим образом: «быть и становиться» (суть, «пассивное» и «активное»). Как единая целостная «доктрина», оно представляет собой устойчивую глобальную «мыслеформу», где сосредоточены все фундаментальные законы бытия, универсальная системность которых и составляет «единую симметрию» (неизменность, инвариантность) неразрушимого монолита знания. И эта симметрия есть та понуждающая «воля», которая лежит в основании любых ландшафтных исследований от геосферного и до всех прочих локальных уровней. В данной симметрии кристаллизована воля самой жизни (ее «давление – требование»), «растекающейся» в необозримых пространствах космоса (от центров своего зарождения и временного стационарирования в «беспредельность», которой она сама и является). Любые исследования должны строго подчиняться требованиям жизни (всем ее многомерным параметрам), которые неизменно лежат в потоке движения как «инволюции растекания», так и «эволюции собирания» (совершенствование качеств гомеостаза через гармонию «единства»). Все, что не соответствует этому, уничтожается самой жизнью – идет на «переплавку» в иные ее структуры. Жизнь не есть «изменение», «развитие» или даже «эволюция». Жизнь – это сила, осуществляющая все это и многое другое. Она есть «психическая энергия» (единое сверхуниверсальное, абсолютное, психополе всего сущего во вселенной), наполненная мыслью, несущей в себе ею же огранулированное (т. е. замкнутое – ограниченное оболочками материальных тел) «космическое сознание» (неограниченное, свободное, «силовое поле» космоса, фокусирующееся материальными проявлениями «кристаллизованной мысли»), в котором она (мысль) и пребывает. Поэтому любые «структуры жизни» полны сознания, «отвердевшей» субстанциальной мысли, содержащей с себе генетический код информации, и неиссякаемого запаса глубинной «психической энергии» (т. е., собственно, абсолютной жизни), которая всепронизывающая и безначальная. Задача всего сущего в мирах – жить жизнью. Овладение этой способностью и дарует бессмертие ее, которое так настойчиво всю свою жизнь искал В.И. Вернадский. Поиск бессмертия (целенаправлено или опосредовано – сути не меняет) ведется всеми науками человечества без исключения.

Вторая составляющая бинария «воли – симметрии» ландшафтоведения, звучащая в нем и им как «становиться», указывает на возможность его «движения действия» в любом избранном направлении и без ограни-

чения (любые ограничения – результат только внутреннего несовершенства). Эта активная «воля – действие» требует от ландшафтной парадигмы таких ее качеств как мобильность, гибкость, податливость, пластичность, всепроницаемость... Они дают ей возможность быстро реорганизовывать себя (перестраивать инвариантность, симметрию, концентрируя «волю» в ином желаемом направлении, предопределяемом замыслом жизни) в свете новых открытий ранее неизвестных сторон единой реальности Природы, которая и есть «вечно непознаваемое присутствие». Ландшафтоведение – это особое, ограниченное географической мыслью, единое состояние сознания, несущее в себе информационную кривизну накопленного многовекового опыта исследования ландшафтов (свое «индивидуальное время»). Уровень структурной организации геосферного сознания – это и есть, в сущности, отлаженный механизм «симметрии законов». Ее дальнейшее преобразование идет путем сворачивания прежней, наработанной мышлением и чувствами, «информационной кривизны» интеллектуального пространства (интеллекта сознания) и всего того, что в нем находится, в «огонь сознания» (что есть новое осознание ранее накопленного), «взрыв» которого вновь структурируется географической мыслью, уплотняясь в иную пространственную кривизну – согласованную симметрию («волю») законов, не выполнить требования которой не представляется возможным.

Наука, исследующая системы, сама должна быть эволюционирующей (качественно преобразующей) системой. Поэтому в числе задач, стоящих перед ландшафтоведением, следует различать: а) задачи «внутреннего круга», связанные с совершенствованием симметрии своей собственной системности; б) задачи «внешние», разрешающие проблемы практической жизни человека в кругу его единства (или разобщенности) с Природой (стратегия выбора решает все).

В состав внутренних задач входят:

1. Создание и непрерывное совершенствование надежной «интеллектуальной карты» ландшафтной реальности – ландшафтной «доктрины жизни», соответствующей уровню добытого и синтезированного в единство опытного знания о реальности Природы. При этом необходимо:

а) постоянно «шлифовать» ясность понимания незыблемых руководящих принципов (законов) природы ландшафтной реальности, фундаментально укладывая их в основу симметрии всех ландшафтных построений;

б) формировать, адекватный реальности, «понятийный аппарат» системных описаний и объяснений собою в себе происходящих процессов ландшафтогенеза;

в) набирать единые в основании, но многообразные в проявлении подходы к созданию общей систематики, классификации, типологии и таксономии геоконструкций; осуществлять их районирование и ландшафтное картирование;

г) тщательно анализировать обретаемый опыт ландшафтных исследований, синтезируя его в единство изъясненного (познанного).

2. Укрепление собою в себе единой методологической основы (единого ландшафтного подхода к исследованию) для всех своих многочисленных «дочерних» подразделений.

3. Поддержание в себе «памяти» и путей своего собственного восхождения (истории развития географической мысли – совокупного опыта бесчисленных поколений исследователей).

4. Совершенствование сложившейся сети всех отраслевых ландшафтных направлений, научных школ и индивидуальных исканий – путей движения ландшафтного мыслетворчества.

5. Воспитание новых поколений будущих исследователей Природы.

6. Соблюдение образцовой этики ведения научного поиска в реальности Природы.

7. Развитие положительных (созидающих, творящих) чувств, без наличия которых невозможно становление исследователя – естествоиспытателя Природы.

К числу практических задач ландшафтоведения, с учетом мнения А.Г. Исаченко [28–29], П.Г. Шищенко [46], А.А. Чибилева [47], А.Г. Емельянова [48], В.Б. Михно [49] и других, можно отнести:

1. Совершенствование механизмов физико-географического моделирования архитектуры ландшафтов, памятуя, что «ожидание не конструирует событий».

2. Прогнозирование функционально-динамических состояний («поведения») ландшафтно-антропогенных систем.

3. Организация ландшафтно-экологического мониторинга.

В последнее время в науке наметился сравнительно иной подход, чем он был, скажем, во времена Ньютона. Ученые осознали, что все их теории, описывающие явления Природы, включая и понимание ее «законов», представляют собой продукт человеческого сознания – следствие понятийного структурирования существующей картины мира, а не собственно самой реальности. Все научные теории и постулируемые ими «законы Природы» весьма ограничены и приблизительны, ибо вытекают из человеческого сознания, сумевшего охватить собою то или иное «место-и-время» во вселенной и объяснить его описанием в себе, т. е. описываемый нами мир через объяснение в себе полностью зависит от ограничивающих качеств нашего измеряющего и классифицирующего сознания, нашей мысли и нашего чувственного отношения к познаваемой реальности (т. е. нашего мышления).

Все, что происходит для человека в человеке, происходит из чувств его в его сознание, где и становится мыслью, требующей воплощения. Мы можем исследовать то, и только то, что предоставило нам наше сознание (разве может быть иначе?), заострившее свое внимание на желаемом объекте и воспринимающее его через призму ощущений, впечатлений, представлений в «свете» воображения. Чем мощнее воображение творческой мысли мыслителя, тем яснее встают перед ним картины реальности, предоставляемой сознанию органами чувств (включая и ум, как инструмент для постижения действительности в ее конкретностях). Поэтому задача любой самосовершенствующейся науки сводится к наработке у всех ее приверженцев (и не только у них!) лучших качеств сознания и мысли, а также развитию чувств путем их непрерывного интроспективного «видения» с целью улучшения в желаемом направлении. Внимание, восприятие (с его ощущением, впечатлением, представлением и вообра-

жением), искренность, интерес, влекущее желание жить в направлении сферы своего интереса, воля, фиксация сознания на предмете исследования, сосредоточенность, концентрация мысли на желаемом, удержание работы ума на пределе высокого уровня напряжения, установление индивидуальных творческих ритмов, правильное усмотрение значения происходящего, выработка необходимого мнения, отношения, суждения, предопределяющих и предвещающих искание, а также воспитание таких сложных чувств как торжественность, восторженная радость, ликование, любовь ко всему тому, что сопутствует продвижению к цели, самому пути к цели и цели – разве не будут теми качествами, которые крайне необходимы исследователю? Все в человеке поддается воспитанию, усовершенствованию, образованию и осуществлению по усмотрению его и его устремлению к цели. Устремление полностью определяется любовью к цели, которая и выносит человека на уровень желанного.

Неустанная работа по усовершенствованию качества сознания, мысли и чувств позволяет уверенно развивать свои способности и умения сбора полевой географической информации с ее последующей эмпирической и теоретической обработкой, а также практическое использование приобретаемых знаний.

Совершенствование – движущая сила любого прогресса. Все подчинено ей и ею управляется, неизменно. Накопление и непрерывное усовершенствование опыта управления процессом ландшафтогенеза и составляют всю сущность ландшафтоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мильков Ф.Н. Физическая география: современное состояние, закономерности, проблемы. Воронеж, 1981.
2. Григорьев А.А. Закон интенсивности физико-географического процесса // Изв. ВГО. 1943. Т. 75. № 1.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика // Соч.: В 14 т. Т. 1. М.; Л., 1930.
4. Берг Л.С. Очерки по истории русской географической науки. Л., 1929.
5. Григорьев А.А. Развитие географической мысли в России (XIX – нач. XX в.). М., 1961.
6. Григорьев А.А. Развитие теоретических проблем советской физической географии (1917–1934). М., 1965.
7. Мильков Ф.Н. Ландшафтная география и вопросы практики. М., 1966.
8. Исаченко А.Г. Развитие географических идей. М., 1971.
9. Солнцев Н.А. Основные этапы развития ландшафтоведения в нашей стране // Вопросы географии. 1948. № 9.
10. Гвоздецкий Н.А. Советские географические исследования и открытия. М., 1967.
11. Лебедев Н.К. Завоевание Земли. М., 1947.
12. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 1–5. М., 1983–1986.
13. Сухова Н.Г. Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л., 1981.
14. Калесник С.В. Основы общего землеведения. М., 1955.
15. Калесник С.В. Краткий курс общего землеведения. М., 1957.
16. Калесник С.В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970.
17. Мильков Ф.Н. Физико-географический район и его содержание. М., 1956.
18. Мильков Ф.Н. Основные проблемы физической географии. Воронеж, 1959.
19. Мильков Ф.Н. Основные проблемы физической географии. М., 1967.
20. Мильков Ф.Н. Ландшафтная сфера Земли. М., 1970.
21. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. М., 1973.
22. Макеев П.С. Природные зоны и ландшафты. М., 1956.
23. Забелин И.М. Теория физической географии. М., 1959.
24. Глазовская М.А. Геохимические основы типологии и методики исследования природных ландшафтов. М., 1964.
25. Преображенский В.С. Ландшафтные исследования. М., 1966.
26. Перельман А.И. Геохимия ландшафта. М., 1975.
27. Исаченко А.Г. Прикладное ландшафтоведение. Ч. 1. Л., 1976.
28. Исаченко А.Г. Методы прикладных ландшафтных исследований. Л., 1980.
29. Исаченко А.Г. Оптимизация природной среды. М., 1980.
30. Анучин В.А. Теоретические основы географии. М., 1972.
31. Рябчиков А.М. Структура и динамика геосферы, ее естественное развитие и изменение человеком. М., 1972.
32. Арманд Д.Л. Наука о ландшафте. М., 1975.
33. Арманд А.Д. Информационные модели природных комплексов. М., 1975.
34. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск, 1978.
35. Марков К.К., Добродеев О.П., Симонов Ю.Г., Суетова И.А. Введение в физическую географию. М., 1978.
36. Марков К.К. Два очерка о географии. М., 1978.
37. Круть И.В. Введение в общую теорию Земли. М., 1978.
38. Гвоздецкий Н.А. Основные проблемы физической географии. М., 1979.
39. Крауклис А.А. Проблемы экспериментального ландшафтоведения. Новосибирск, 1979.
40. Николаев В.А. Проблемы регионального ландшафтоведения. М., 1979.
41. Солнцев В.Н. Системная организация ландшафтов. М., 1981.
42. Беручашвили Н.Л. Четыре измерения ландшафта. М., 1986.
43. Дьяконов К.Н. Геофизика ландшафта. М., 1988.
44. Дьяконов К.Н., Касимов Н.С., Тикуннов В.С. Современные методы географических исследований. М., 1996.
45. Беручашвили Н.Л., Жучкова В.К. Методы комплексных физико-географических исследований. М., 1997.
46. Шищенко П.Г. Прикладная физическая география. Киев, 1988.
47. Чибилев А.А. Экологическая оптимизация степных ландшафтов. Свердловск, 1992.
48. Емельянов А.Г. Ландшафтно-экологические основы природопользования. Тверь, 1992.
49. Михно В.Б. Ландшафтно-экологические вопросы мелиорации. Воронеж, 1995.

Поступила в редакцию 18 марта 2002 г.